

## Глава пятая

### ПРОПАГАНДА, ЗАЩИТА И ОБОСНОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Г. В. ПЛЕХАНОВЫМ

В 1883—1903 гг.

**М**атериалистическому пониманию истории Плеханов, помимо трудов «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «Очерки по истории материализма», посвятил ряд специальных работ<sup>1</sup>.

Рассматривая литературу о марксизме в своей статье «Карл Маркс» (для энциклопедии «Гранат»), Ленин указал на лучшие работы Плеханова: «По вопросу о философии марксизма и об историческом материализме лучшее изложение у Г. В. Плеханова: «За 20 лет». СПб. 1909, 3-е изд.; «От обороны к нападению». СПб. 1910; «Основные вопросы марксизма». СПб. 1908; «Критика наших критиков». СПб. 1906; «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». СПб. 1908, и др...»<sup>2</sup>

<sup>1</sup> «О материалистическом понимании истории» (1897), «К вопросу о роли личности в истории» (1898), «Нечто об истории» (1897), «Основные вопросы марксизма» (1908). Плеханов отводит много места вопросам исторического материализма также и в других своих произведениях, как, например: «О книге Л. И. Мечникова» (1889), «Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии»» (1900), предисловие к книге Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах» (1892), «Еще раз социализм и политическая борьба» (1901), «Карл Маркс» (1903), «Предисловие к переводу «Развитие научного социализма» Ф. Энгельса» (1902). К ним примыкают также и работы Плеханова по вопросам литературы, искусства, религии, которые он рассматривал в свете основных положений диалектического и исторического материализма.

<sup>2</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 69.

Указанные В. И. Лениным работы Плеханова были направлены против враждебных марксизму буржуазных теорий. В период формирования русской социал-демократии Плеханов умело отбивал яростные нападки врагов марксизма — народников, экономистов, ревизионистов, позитивистов, неокантианцев — на исторический материализм, разоблачал реакционно-идеалистические и вульгарные теории общества, в том числе теорию факторов, теорию общественного прогресса Михайловского и другие подобные «теории».

Откровенный враг марксизма — Михайловский, стремясь принизить научное значение открытого Марксом и Энгельсом материалистического понимания истории, заявлял, что ему «просто неизвестно», в каком сочинении у Маркса изложено материалистическое понимание истории. Путем переделок и подтасовок Михайловский пытался замолчать гениальные идеи Маркса, оклеветать марксизм.

Самым решительным образом Плеханов отметал клеветнические заявления народников о «непроверенности» и «несвязанности» основных положений исторического материализма, показывая, что эти положения проверены с помощью анализа общественных явлений прежде всего в таких произведениях Маркса, как «18-е Брюмера Луи Бонапарта» и «Капитал». Ссылаясь на знаменитое предисловие Маркса к работе «К критике политической экономии», Плеханов ярко и убедительно показал тесную взаимосвязь основных положений марксизма. Характеризуя марксизм как целостное, стройное революционное мировоззрение пролетариата, Плеханов критиковал Михайловского и других народников, не видевших органического единства философской, социологической и экономической теорий Маркса и Энгельса.

В заявлениях Михайловского, что он якобы признает экономические взгляды Маркса, но отрицает его историческую теорию, Плеханов увидел намерения либеральных народников оторвать экономические взгляды Маркса от его исторической теории и разоблачил эти намерения.

Попытки разорвать и обособить друг от друга составные части марксизма предпринимали не только народники, но и ревизионисты. Стремясь свести марксизм только к его исторической и экономической теории, ревизионисты пытались «соединить» с марксизмом разные модные



буржуазные философские учения, в частности неокантианство и махизм. Буржуазные «критики» Маркса — апологеты капитализма — лезли из кожи вон, чтобы «опровергнуть», дискредитировать исторический материализм. «Критики» марксизма приписывали историческому материализму фатализм, склоняли на все лады выдумку о якобы догматической «односторонности» положений исторического материализма и т. д.

Ревизионистские потуги соединить марксизм то с философией Канта, то с философией Маха, то с некоторыми другими реакционными, идеалистическими философскими системами Плеханов подверг суровой критике. Он указывал, что ошибочно видеть «важнейший элемент марксизма» только в одном историческом материализме. Материалистическое понимание истории, говорил Плеханов, действительно является одним из самых главных достижений марксизма. Но оно все-таки составляет лишь «часть материалистического миросозерцания Маркса — Энгельса». Материалистическое объяснение истории предполагает материалистическое понимание природы.

Исторический материализм представлен Плехановым как завершение системы материализма. Он показывал, что всякий отрыв исторического материализма от диалектического материализма ведет к уродованию и извращению его основных положений. «Все стороны миросозерцания Маркса, — писал Плеханов, — самым тесным образом связаны между собой... вследствие этого нельзя по произволу удалить одну из них и заменить ее совокупностью взглядов, не менее произвольно вырванных из совершенно другого миросозерцания»<sup>1</sup>.

Однако в защите этого положения Плеханов иногда был непоследовательным, считая, что соединение исторических и экономических взглядов Маркса с неокантианством — это только теоретическая ошибка, не мешающая в практической работе.

Плеханов рассмотрел в своих сочинениях вопрос о предмете исторического материализма, об историческом материализме как науке. Исторический материализм, по Плеханову, — это наука об обществе. Исторический материализм — это социология, изучающая «общее». Он

отличен от истории, занимающейся «особенным», и имеет свою сферу исследования. Исторический материализм и история — это, по выражению Плеханова, «алгебра» и «арифметика» общественного развития. Подчеркивая методологическое значение исторического материализма, Плеханов говорил, что исторический материализм не называет причины отдельных явлений, а указывает, как надо подходить к открытию этих причин.

Плеханов проводил правильную мысль о взаимодействии абстрактного и конкретного, о необходимости связывать общее с особенным в анализе причин общественного развития. В работе «К вопросу о роли личности в истории» выдвинуто положение, что в общественной жизни действуют общие, особенные и единичные причины. «...Последней и самой общей причиной исторического движения человечества надо признать развитие производительных сил, которыми обуславливаются последовательные изменения в общественных отношениях людей. Рядом с этой общей причиной действуют особенные причины, т. е. та историческая обстановка, при которой совершается развитие производительных сил у данного народа...»<sup>1</sup>. Общие социологические причины и особенные причины, обусловленные исторической обстановкой, дополняются «действием причин единичных, т. е. личных особенностей общественных деятелей и других «случайностей», благодаря которым события получают, наконец, свою индивидуальную физиономию»<sup>2</sup>.

Требование марксизма не ограничиваться выяснением общих причин, а находить причины своеобразия и индивидуальных особенностей общественных явлений, выдвинутое им в этой работе, в дальнейшем, однако, не нашло у него конкретизации и развития.

К вопросу о соотношении социологии и истории Плеханов еще раз вернулся, рецензируя книгу Риккерта «Науки о природе и науки о культуре» (1911). «... В пределах своей науки, — писал Плеханов, — историк считает существенным то, что помогает ему определить причинную связь тех событий, совокупность которых составляет изучаемый им индивидуальный процесс развития... Но, кроме истории (в широком смысле), есть еще социология, которая

<sup>1</sup> «Вестник Коммунистической академии» № 2—3, 1933 г., стр. 177.

<sup>1</sup> Г. В. Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 304.

<sup>2</sup> Там же.



занимается «общим» в такой же мере, как и естествознание. История становится наукой лишь постольку, поскольку ей удастся объяснить изображаемые ею процессы с точки зрения социологии. Поэтому она относится к социологии совершенно так же, как геология относится к «обобщающему» естествознанию»<sup>1</sup>.

Выступление Плеханова против Риккерта было вызвано необходимостью раскритиковать неокантианское разграничение естествознания и истории, означавшее полный разрыв между природой и обществом, между законами природы и законами общества. Общественная жизнь в отличие от природы изображалась неокантианцами как нечто такое, что не может быть познано при помощи общих социологических законов. Их точка зрения была воплощением субъективистского подхода к истории.

Плеханов был прав, подвергнув критике эту откровенно идеалистическую точку зрения отказа от объективно-причинного изучения жизни общества, от познания законов его развития. Однако в этой рецензии он преувеличил общий, абстрактный характер социологии как науки, степень ее отвлечения от конкретных вопросов истории и политики.

Главное внимание Плеханов сосредоточивал на разъяснении материалистических взглядов Маркса на человеческое общество и его историю. В каждом отдельном случае он стремился выделить главное в явлениях общественной жизни, их материалистическую основу.

В целом ряде его работ ярко пропагандируется марксистское учение о наличии объективных законов природы и общества. Он рассматривал постановку вопроса об исторической закономерности и в учениях предшественников марксизма, показывая, как идея исторической закономерности постепенно пробивала себе дорогу.

Исследуя источники марксизма, Плеханов прослеживал зародыши материалистического понимания истории у французских материалистов, историков времен реставрации, у социалистов-утопистов.

На большом историческом материале Плеханов показывал, что до Маркса в понимании истории господствовал идеализм, что все домарксовские материалисты были идеалистами «сверху», т.-е. в понимании общественных явлений.

<sup>1</sup> Г. В. Плеханов, Соч., т. XVII, стр. 193.

Когда французские материалисты XVIII в., говорил Плеханов, переходили от исследования природы к исследованию общественных отношений, они впадали в идеализм. Начинали они как будто правильно: человек есть продукт общественной среды, следовательно, его идеи и мнения определяются этой общественной средой, положением человека в обществе. Но когда вставал вопрос, чем же определяется развитие общественной среды, французские материалисты говорили, что развитие общественной среды определяется мнениями, т. е. теми же самыми идеями. Они не могли решить, что же является конечной причиной общественного развития и апеллировали к «всемогущей человеческой природе». Рост знаний, распространение просвещения — вот что, считали они, лежит в основе исторического движения, вот что обуславливает процесс общественного развития. Французские историки эпохи реставрации монархии — Гизо, Минье, Тьерри подвинулись в разрешении этого вопроса значительно дальше, чем французские материалисты XVIII в. Они подметили, что гражданский быт людей находится в тесной связи с земельными имущественными отношениями. Однако «взгляд на «человеческую природу», как на высшую инстанцию, в которой решаются все «казусные дела» из области права, морали, политики, экономии, был целиком унаследован писателями XIX века от просветителей предшествовавшего столетия»<sup>1</sup>.

Ту же ошибку, как показал Плеханов, допускали и социалисты-утописты XIX в. Сен-Симон считал, что загадку закономерностей исторического развития общества надо искать в природе человека, и если общество, как это и есть на самом деле, состоит из отдельных людей, то природа человека должна дать ключ к объяснению истории. Социалисты-утописты стремились придумать такой общественный строй, который бы соответствовал природе человека и поэтому являлся бы идеальным общественным строем. Это было идеалистическое понимание истории, и основанные на нем социалистические идеалы оставались несбыточной мечтой, «утопией», грезой о будущем золотом веке человечества.

Таким образом, всем философам-материалистам прошлого было присуще идеалистическое понимание развития

<sup>1</sup> Г. В. Плеханов, Соч., т. VII, стр. 81.



общества. Они не могли открыть законов общественной жизни, ибо являлись метафизиками. Они оказались неспособны объяснить сложную цепь конкретных общественных явлений.

Плеханов ярко показал свойственные мыслителям до Маркса неумение встать на путь научного обобщения отдельных общественных явлений, неумение уловить объективную закономерность и необходимость в развитии общества и тем самым указать на корни идейных мотивов человеческой деятельности. При этом он подчеркивал, что великая заслуга Маркса и Энгельса состоит в том, что они дали научное объяснение общественно-исторического процесса, нашли объективную основу общественной жизни — экономическую структуру общества, открыли законы общественного развития и показали их действие. В противоположность буржуазным, субъективно-идеалистическим теориям, отрицающим существование законов истории общества, Маркс и Энгельс подчеркнули именно закономерность общественного развития, доказали существование в обществе, как и в природе, объективных законов развития.

В ряде работ Плеханова отмечено, что гениальное открытие Марксом материалистического понимания истории исправляет коренную ошибку социологов до Маркса, исходивших в анализе общества из понятия «человеческая природа». «Великая научная заслуга Маркса заключается в том, что он подошел к вопросу с диаметрально противоположной стороны, что он на самую природу человека взглянул как на вечно изменяющийся результат исторического движения, причина которого лежит вне человека»<sup>1</sup>.

Народнические социологи и неокантианцы утверждали, что развитие общества якобы не подчинено никаким законам в силу того, что здесь действуют существа, одаренные сознанием и действующие по «свободе воли». Марксизм, говорил Плеханов, утверждает, что законы исторического развития не являются законами деятельности духа, следствием «свободы воли», они не создаются законодателями. Законы исторического развития коренятся не в «природе человека», а в природе тех общественных отношений, в которые становятся люди на различных стадиях развития производительных сил. Основоположники марксизма всегда отстаивали закономерность общественного развития,

<sup>1</sup> Г. В. Плеханов, Соч., т. VII, стр. 160.

объективность законов истории, действующих с силой естественных законов, с железной необходимостью.

При этом Плеханов выдвигал требование изучать факты прошлой жизни человечества, чтобы открыть в них законы его современного развития. Будущее способен предвидеть только тот, кто понял прошедшее, кто видит преемственность и связь исторических событий, их обусловленность. Деятельность людей, их идеи и настроения зависят не от случая. Их возникновение, как и их развитие, подчинено законам, которые мы можем и должны открывать и изучать.

Но что значит узнать тот или другой закон природы или общественного развития? — спрашивал Плеханов. Это значит, отвечал он: «во-первых, уметь избегать столкновения с ним, а следовательно, и напрасной траты сил, а во-вторых, — быть в состоянии регулировать его приложение так, чтобы извлекать из него пользу»<sup>1</sup>. Плеханов призывал изучать объективные законы действительности, законы природы и законы общественной жизни.

Принципиально важным считает Плеханов то, что Маркс рассматривал историю человеческого общества, как необходимый закономерный процесс, и вместе с тем как продукт деятельности людей. Согласно учению Маркса и Энгельса, изменения общественных отношений совершаются по определенным объективным законам, но эти изменения необходимо являются результатом действий людей.

Рассматривая проблему необходимости и свободы, Плеханов боролся как против волюнтаризма, так и против фатализма «критиков» Маркса. Как народники, так и ревизионисты-неокантианцы клеветнически утверждали, что по Марксу историческая необходимость действует сама по себе, без всякого участия людей, ибо поскольку признается действие объективной необходимости, то не остается места для свободной деятельности людей.

Направляя острие критики против этих лживых выдумок народников и ревизионистов, Плеханов разъяснял, что в марксизме вовсе не существует этого пресловутого метафизического противопоставления свободы необходимости. Марксисты, изучая объективные условия материального существования людей, тем самым изучают и отноше-

<sup>1</sup> Г. В. Плеханов, Соч., т. II, стр. 271.



ния, складывающиеся между людьми, и их помыслы, идеалы и стремления. Историческая необходимость не исключает свободы действий людей. Утверждение субъективистов, что человеческая воля и действия людей совершенно свободны, — есть индетерминизм, волюнтаризм. Понятия прогресса, свободы воли не существуют сами по себе, они являются следствием исторической необходимости. Столь же ошибочно искать движущие силы исторического развития вне практической деятельности людей. Это значит свести исторический процесс к автоматическому, predeterminedенному действию каких-то потусторонних сил.

Вслед за Энгельсом Плеханов доказывал, что нет какого-то автоматического действия исторической необходимости, что история совершается в результате деятельности людей. Он писал, что с точки зрения марксизма общественные отношения «суть отношения людей, и ни один великий шаг в историческом движении человечества не может совершиться не только без участия людей, но и без участия великого множества людей, т. е. масс»<sup>1</sup>.

Защитой марксистского положения об активной роли масс в общественно-историческом процессе является его выступление против тех, кто обрекал людей на пассивное созерцание «неумолимых законов истории». Он опровергал Штамллера, Риккерта и других идеалистов, которые заявляли, что якобы с точки зрения марксизма «все делается законами», что марксисты впадают в непримиримое противоречие, с одной стороны, говоря о естественно-необходимом ходе развития общества, а с другой, требуя содействия этому развитию общества, борьбы за наступление социализма. По мнению Штамллера, кто уверен, что определенное следствие наступит с неизбежной естественной необходимостью, тот «не может уже содействовать этому результату», ибо это якобы равносильно тому, чтобы создавать партию лунного затмения или стремиться помочь земле обращаться вокруг солнца. Плеханов писал, что это жалкий и смешной софизм, так как идеалисты берут явления, не зависящие от людей, история же делается людьми. «Рассматривая историческое развитие с точки зрения необходимости, социальная демократия и на свою собственную деятельность смотрит как на

<sup>1</sup> Г. В. Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 210.

необходимое звено в цепи тех необходимых условий, совокупность которых делает неизбежным торжество социализма»<sup>1</sup>.

Поставив вопрос о соотношении свободы и необходимости при социализме, Плеханов в произведении «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» допустил ряд ошибочных формулировок, истолковывая это соотношение в духе субъективизма. Если первобытное общество, по Плеханову, было темным царством физической необходимости, а капитализм — царством экономической необходимости, то социализм выступает уже как царство свободы. При социализме «оканчивается царство необходимости, и воцаряется свобода, которая сама называется необходимостью»<sup>2</sup>. Известно, что Маркс, разъясняя этот вопрос, показывал, что необходимость при социализме не исчезает, напротив, с расширением производства, расширяются рамки естественной необходимости, так как расширяются потребности человека. Свобода при социализме «может заключаться лишь в том, что социализированный человек, ассоциированные производители рационально регулируют... свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он как слепая сила господствовал над ними... Но тем не менее это все же остается царством необходимости»<sup>3</sup>.

Плеханов подчеркивал качественное отличие законов общественной жизни от законов природы. Он говорил, что законы окружающей нас общественной жизни коренятся в ней самой и только в ней самой, что неправильно искать эти законы в природе. Он высмеивал и называл утопиями тех, кто мечтал о реформе общественных наук при помощи естествознания, кто собирался отыскать «законы физиологии общества» и прописать обществу ряд «гигиенических рецептов». Люди, смотрящие на общество с этой точки зрения, говорил Плеханов, попадают в безвыходное положение, так как физиология, медицина, биология не могут дать объяснения общественного развития. Плеханов очень популярно выяснял отличие законов социальной жизни от законов природы. «Раз желудок снабжен известным количеством пищи, он принимается за

<sup>1</sup> Г. В. Плеханов, Соч., т. XI, стр. 93.

<sup>2</sup> Г. В. Плеханов, Соч., т. VII, стр. 243.

<sup>3</sup> К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 833.



работу согласно общим законам желудочного пищеварения. Но можно ли, с помощью этих законов, ответить на вопрос, почему в ваш желудок ежедневно отправляется вкусная и питательная пища, а в моем она является редким гостем? Объясняют ли эти законы, — почему одни едят слишком много, а другие умирают с голода? Кажется, что объяснения надо искать в какой-то другой области, в действии законов иного рода»<sup>1</sup>.

Этой областью, говорил Плеханов, является жизнь общества, а этими законами являются общественные законы, законы материального производства, законы классовой борьбы, выражающие внутреннюю логику общественного процесса, все богатство и многообразие общественных отношений.

В буржуазной науке как во времена Плеханова, так и в наше время широко распространены псевдонаучные социологические «теории», которые применяют к обществу биологические категории, сводят общественный прогресс к биологической эволюции. Борьба Плеханова против подобных «теорий» не устарела и сейчас. Плеханов метко и остроумно клеймил буржуазных социологов, врагов марксизма, пытавшихся посредством биологизации общественных явлений придать «научную» форму выгодным буржуазии идеям классового мира, гармонии интересов рабочих и капиталистов, вечности капиталистического предпринимательства и т. п.

Плеханов критиковал подобные теории, показывая, что исторический материализм решающую причину важнейших исторических событий видит в экономическом развитии общества, в действии экономических законов, в изменениях способа производства и обмена, в непримиримой классовой борьбе. Его критика, остроумная и одновременно глубокая, разит и современных реакционных буржуазных социологов, которые повторяют те же идеи, направленные на увековечение буржуазного строя.

Одним из наиболее гнусных направлений в буржуазной социологии является так называемый «социальный дарвинизм» — «теория» применения к обществу учения Дарвина о естественном отборе через борьбу биологических видов за свое существование. В писаниях реакционных буржуазных социологов защита подобных взглядов яв-

ляется средством оправдать капиталистическую эксплуатацию, господство буржуазии, как якобы более «приспособленной», чем трудящиеся.

Поэтому важно отметить, что Плеханов-марксист еще в 90-е годы поставил вопрос об отношении марксизма к дарвинизму, великого учения Маркса — к учению Дарвина.

В ряде его работ<sup>1</sup> говорится о границах биологии и социологии. В работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и в «Письмах без адреса» так представлено отличие дарвинизма от марксизма: «Область Дарвина была совсем другая. Он рассматривал происхождение человека, как *зоологического вида*. Сторонники материалистического взгляда хотят объяснить *историческую* судьбу этого вида. Область их исследований начинается как раз там, где кончается область исследований дарвинистов»<sup>2</sup>. Дарвину удалось решить вопрос о том, как происходят растительные и животные виды; Маркс решил вопрос о том, как возникают различные виды общественной организации: «Дарвин объясняет происхождение видов не *прирожденной* будто бы животному организму тенденцией к развитию, как это делал еще Ламарк, а приспособлением организма к условиям, вне его находящимся: не *природой* организма, а влиянием *внешней природы*. Маркс объясняет историческое развитие человечества не *природой* человека, а свойствами тех общественных *отношений* между людьми, которые возникают при воздействии общественного человека на *внешнюю природу*»<sup>3</sup>.

Плеханов показывает, что если Дарвин был склонен применять свою биологическую теорию к объяснению социальных явлений, то это было его ошибкой.

Однако в критике социального дарвинизма Плеханов оказался непоследовательным. Он допускал уступки социальному дарвинизму, сближая исторический материализм с натурализмом и биологизмом.

«Можно сказать, — писал он в работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», — что

<sup>1</sup> «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «Очерки по истории материализма», «Письма без адреса», «О материалистическом понимании истории».

<sup>2</sup> Г. В. Плеханов, Соч., т. XIV, стр. 10.

<sup>3</sup> Г. В. Плеханов, Соч., т. VII, стр. 243—244.



марксизм есть дарвинизм в его применении к общественному знанию». Впоследствии — в работах, написанных после 1903 г., — Плеханов углубил эту ошибку, считая, что эволюционная теория Дарвина не только может дать картину диалектического развития природы, но даже якобы является ключом к общественной жизни, чем смазывалось качественное своеобразие общественного процесса.

В работах Плеханова 90-х годов большой интерес представляет резкая критика антинаучных расовых «теорий», защита марксистского учения о равенстве рас и наций.

Вслед за великим русским мыслителем Чернышевским, который пришел к выводу, что говорить «об особых свойствах расы», «о биологических различиях между ними» — значит говорить реакционный вздор, увековечивающий рабство и угнетение, Плеханов решительно выступил против реакционных взглядов о влиянии расовых особенностей на историю развития человечества.

В работе «О материалистическом понимании истории» подвергнуты резкой критике ошибочные утверждения А. Лабриолы о влиянии расовых особенностей на народный темперамент, а через посредство темперамента — на историю умственного и эстетического развития человека.

В рецензии на книгу Л. И. Мечникова Плеханов поддержал мнение этого русского ученого, критиковавшего так называемых «ученых», которые утверждали, что якобы «некоторые народы развиваются медленно потому, что таково уже свойство их расы, чтобы им развиваться медленно; другие же — цивилизуются очень быстро, потому что главное свойство их расы заключается в том, что они могут развиваться быстро»<sup>1</sup>.

Плеханов зло высмеивал «ученых» расистов, объяснявших свойствами расы подъем и падение цивилизации, все особенности истории народов. «В руках умелых людей, — писал Плеханов, — «раса» оказывается ключом к решению всех вопросов общественной науки»<sup>2</sup>.

Он подчеркивал антинаучность расизма, говоря, что такого рода объяснения общественного процесса уместны лишь в устах мольеровских врачей. Какими-то мистиче-

<sup>1</sup> Г. В. Плеханов, Соч., т. VII, стр. 17.

<sup>2</sup> Там же.

скими свойствами расовой исключительности нельзя объяснить, почему одни народы развиваются с поразительной медленностью, между тем как другие быстро идут по пути цивилизации.

«Ссылки же на расовые свойства неудобны тем, что они прекращают исследование как раз там, где оно должно было бы начаться. Отчего история французской поэзии непохожа на историю поэзии в Германии? По очень простой причине: темперамент французского народа был таков, что у него не могло быть ни Лессинга ни Шиллера, ни Гете. Ну, благодарим за объяснение; теперь мы все понимаем»<sup>1</sup>, — иронизировал Плеханов.

Общественная наука только выиграет, говорил он, если будет осуждена дурная привычка «сваливать на расу все то, что кажется нам непонятным в духовной истории данного народа».

В соответствии с данными передовой науки в его работах показан исторический характер происхождения рас. В произведении «О материалистическом понимании истории» Плеханов, разоблачая мракобеса Гобино, который утверждал, что культурный прогресс человечества зависит якобы от чистоты рас, писал, что нельзя говорить о чистых расах, что слово «раса» вообще не может и не должно применяться к современным народам. «Мы не знаем ни одного исторического народа, который можно было бы назвать народом чистой расы; каждый из них является плодом чрезвычайно продолжительного и сильного взаимного скрещивания и смешения различных этнических элементов.

Извольте после этого определять влияние «расы» на историю идеологий у того или другого народа!»<sup>2</sup>.

Все эти положения Плеханова прямо направлены против утверждений современных англо-американских расистов, которые требуют, чтобы англичане и американцы сохранили «чистоту своей расы», утрата которой приведет якобы к интеллектуальному и физическому упадку. Современные расисты требуют, чтобы «высшие расы» оградил себя от смешения с «низшими» расами, оправдывая расовую дискриминацию, проводимую в США по отношению к неграм, китайцам и др.

<sup>1</sup> Г. В. Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 256.

<sup>2</sup> Там же, стр. 254.



Как бы предвидя, что нынешние империалисты будут строить свои планы завоевания мира на утверждении, будто только одна белая арийская раса способна к прогрессу, Плеханов писал, что не только народы белой расы были творцами культуры:

«Трудно сказать, например, какая раса, черная, желтая или белая, сделала наибольший взнос в цивилизацию древнего Египта. История Халдеи показывает даже, что в деле цивилизации черная, «кушитская» раса опередила все другие. Чернокожие ученые того времени могли бы, таким образом, считать свою расу самой способной к прогрессу и с сожалением посматривать на племена белые и желтокожие, косневшие тогда в застое и невежестве»<sup>1</sup>.

При всем умелом разоблачении реакционности и ненаучности расовых теорий, Плеханов, однако, не выяснил до конца классовые корни и политические цели этих теорий. Поэтому его выступление против расовых теорий общества не получило необходимой политической остроты.

Несмотря на эти недостатки, критика Плехановым антинаучных попыток расистов представить развитие общества как борьбу рас за господство «высших» над «низшими» имеет большое значение. Она не потеряла своей актуальности и в современных условиях, когда в капиталистическом мире проводится политика неравноправия рас и наций, политика расовой дискриминации и пропагандируются различные расистские концепции, призванные оправдать эту человеконенавистническую политику.

Выступая против различных натуралистических, биологических и расистских «теорий» общественного развития, Плеханов доказывал, что только открытые Марксом объективные законы развития общества, законы материального производства и классовой борьбы дают возможность понять причины исторических событий.

Им дано яркое изложение ряда важнейших вопросов материалистического понимания истории. Он разъясняет и комментирует основные положения исторического материализма, изложенные Марксом в знаменитом предисловии к работе «К критике политической экономии», рассматривая главным образом вопросы об условиях материальной жизни общества, о влиянии экономического базиса на идеологические надстройки.

<sup>1</sup> Г. В. Плеханов, Соч., т. VII, стр. 18.

Со всех сторон, писал Плеханов, — со стороны философии, как со стороны теории литературы, — эволюция общественной науки в ее различных отраслях приводила к одной и той же проблеме — выяснить происхождение общественного сознания. Разрешение этой проблемы дал Маркс.

Основное положение материалистического понимания истории — общественное бытие определяет общественное сознание — Плеханов защищал в борьбе не только с откровенными идеалистами, но и с эклектиками, проповедовавшими так называемую «теорию факторов».

«Теория факторов» была прямо направлена против основной идеи Маркса о решающем значении способа производства в общественной жизни и его воздействии на все остальные стороны жизни общества. Разоблачая несостоятельность «теории факторов», Плеханов говорил, что сторонники этой «теории» смотрят на общественную жизнь с точки зрения абстрактного взаимодействия: каждая сторона жизни в одинаковой мере влияет на все остальные и, в свою очередь, испытывает влияние всех остальных. Признание взаимодействия между различными, равнозначными общественными факторами, по мнению вульгарных социологов, якобы устраняет «односторонность» исторического материализма. Они считают, что только этот взгляд достоин «мыслящего социолога», кто же, подобно марксистам, допытывается каких-то более глубоких причин общественного развития, тот просто якобы не видит, до какой степени сложна общественная жизнь.

Эти лживые обвинения марксизма в «односторонности» решительно опровергались Плехановым. Марксисты «ни мало не отрицают взаимодействия между различными «факторами» исторического развития. Они говорят только, что взаимодействие само по себе ровно ничего не объясняет... потому что всякое взаимодействие между данными силами уже предполагает существование этих сил, и сказать, что они действуют одна на другую, вовсе не значит объяснить их происхождение»<sup>1</sup>. Смысл «теории факторов», доказывал Плеханов, в том, что она прикрывает эклектику и идеализм в общественной науке. Она не может дать научного объяснения общественного развития, ибо с точки зрения этой теории человеческое общество

<sup>1</sup> Г. В. Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 203.



представляется тяжелой кладью, которую различные «силы» — мораль, право, экономика и т. п. и т. д. — тащат каждая с своей стороны по историческому пути. Напротив, с точки зрения материалистического понимания истории дело принимает совсем другой вид. Становится ясным, что исторические «факторы» — это простые абстракции отдельных сторон деятельности общественного человека, что люди делают не несколько отдельных одна от другой историй — историю права, историю морали, философии и т. д., а одну только историю своих собственных общественных отношений, обуславливаемых состоянием производительных сил в каждое данное время.

Не имея объективного критерия, субъективисты не могли найти основную причину общественных явлений, коренную основу общественного бытия. Только с возникновением диалектического и исторического материализма стало возможно научное объяснение исторического развития. «С тех пор как появилась «Критика критической критики», и особенно со времени выхода в свет известной книги: «Zur Kritik der politischen Oekonomie», препираться об относительном значении различных социально-исторических факторов могли только отсталые в теории люди»<sup>1</sup>.

Маркс и Энгельс вскрыли материальную основу общественной жизни. «По новой теории историческое движение человечества, — писал Плеханов, — определяется развитием производительных сил, ведущих к изменениям экономических отношений. Поэтому дело всякого исторического исследования приходится начинать с изучения состояния производительных сил и экономических отношений данной страны. Но на этом, разумеется, исследование не должно останавливаться: оно должно показать, как сухой остов экономии покрывается живой плотью социально-политических форм, а затем, — и это самая интересная, самая увлекательная сторона задачи, — человеческих идей, чувств, стремлений и идеалов»<sup>2</sup>. Таким образом, по теории Маркса весь общественно-политический строй объясняется экономическими отношениями людей.

<sup>1</sup> Г. В. Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 242. Следует отметить, что, допуская уклон в географизм, Плеханов не смог до конца раскритиковать теорию факторов.

<sup>2</sup> Г. В. Плеханов, Соч., т. VII, стр. 231.

Но чем создаются отношения этого рода? Плеханов поясняет: чтобы жить и удовлетворять свои потребности, люди должны производить. Чтобы производить, они должны установить друг с другом взаимные отношения, которые у Маркса называются производственными отношениями. Совокупность этих отношений и составляет экономическую структуру общества, на основе которой вырастают все другие социальные отношения людей. Процесс производства и воспроизводства материальных благ, развитие производительных сил — основа общественной жизни, основа человеческой истории.

Важная роль в развитии производства принадлежит орудиям труда. Идеалистической «теории изобретения» Плеханов противопоставляет материалистическую трактовку роли орудий труда в процессе общественного развития. Плеханов возражает идеалистам Н. Михайловскому и Н. Карееву, утверждавшим, что «усилия разума» играют решающую роль в процессе создания и применения орудий труда. Он показывает, что сама способность производить орудия развивается в процессе воздействия на природу, в процессе добывания средств существования. Действуя на природу, человек изменяет свою собственную природу. «Он развивает все свои способности, а между ними и способность к «деланию орудий». Но в каждое данное время мера этой способности определяется мерой уже достигнутого развития производительных сил»<sup>1</sup>.

В орудиях труда человек приобретает как бы новые, искусственные органы, которые играют решающую роль в его существовании. Свои нужды люди удовлетворяют с помощью искусственных органов — орудий труда, которые оказываются, таким образом, органами не столько индивидуального, сколько общественного человека. Плеханов подчеркивает первостепенное значение орудий труда в производстве всех средств существования людей. Материальные богатства общества, степень воздействия человека на природу зависят от исторического уровня развития производительных сил, совершенства орудий производства и навыков людей к труду.

Но орудия труда составляют только часть средств, необходимых для производства.

<sup>1</sup> Г. В. Плеханов, Соч., т. VII, стр. 166.



Географическая среда, природа, является естественной и важнейшей предпосылкой человеческой истории. Чтобы существовать, пишет Плеханов, человек должен поддерживать свой организм, заимствуя необходимые для него вещества из окружающей его природы. Это заимствование невозможно без воздействия человека на природу. Природа является общей естественной основой общества.

В этом естественном обмене веществ между человеком и природой возникает производство. Человек выделился из природы тем, что он возвысился над всей остальной природой — стал производить средства производства. Труд является основой жизни человека, посредством труда устанавливаются связи между людьми, а также взаимодействие человека с природой.

Каково же, однако, влияние географической среды на общество? Вопрос этот ставился и рассматривался Плехановым неоднократно, начиная от ранних и кончая одной из последних его работ — «История русской общественной мысли». Ответ, который давал на этот вопрос Плеханов уже в первых его произведениях, характеризуется чрезмерным преувеличением роли естественной, географической среды<sup>1</sup>.

Плеханов правильно отмечал, что первоначально человек, подобно другим животным, всецело подчинялся влиянию окружающей его естественной среды, которая еще не испытывала на себе его воздействия. Но это правильное положение о влиянии географической среды становится неправильным, неточным как только оно распространяется не только на первую, но и на последующие, более высокие, ступени развития человечества, вследствие чего получается, что географическая среда оказывает решающее влияние на судьбу государств.

Правда, Плеханов оговаривается, что нельзя ставить историческую судьбу народов в исключительную зависимость от географической среды, ибо «география далеко не все объясняет в истории» вследствие неизменности географической среды по сравнению с изменчивостью исторических судеб народов. Он отгораживался от взглядов Мечникова, Монтеスキё и других «географических материа-

листов». В работе «Очерки по истории материализма» и в рецензии «О книге Л. И. Мечникова» сказано, что взаимное влияние производительных сил и производственных отношений является причиной социального развития, имеющего свою логику и не зависящие от естественной среды законы, и что эта внутренняя логика «может стать даже в противоречие с требованиями среды».

Однако причины развития производства Плеханов искал не только в его внутренних закономерностях, но и в условиях географической среды. Географическая среда обеспечивает людям большую или меньшую возможность развития их производительных сил, следовательно, с точки зрения Плеханова состояние производительных сил зависит от свойств географической среды безотносительно к ступени исторического развития человеческого общества. Больше того, от географической среды якобы зависят даже темпы хозяйственного развития.

Утверждение, что производительные силы развиваются под прямым воздействием внешней среды, рассмотрение географического фактора как равноценного элемента материальных условий жизни общества ведет к недопониманию активной роли производственных отношений, как главного двигателя производительных сил, к обособлению производительных сил от производственных отношений.

Такой подход к вопросу о движущей силе развития производительных сил означает сползание на позиции так называемого географического направления в социологии.

В условия материальной жизни общества входит как его составная часть и народонаселение. В работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и в статьях в «Социал-демократе» о Чернышевском Плеханов вскользь касается этого вопроса. Он рассматривает рост народонаселения в связи с выяснением вопроса о роли экономического «фактора», замечая, что экономическим «фактором» определяется «возможность и пределы влияния других «факторов»». Плеханов показывает, что рост народонаселения не является коренной причиной общественного развития, хотя выступает как необходимый его элемент. Он приводит положение Маркса, что абстрактные законы размножения существуют только для животных и растений, тогда как рост (или убыль)

<sup>1</sup> См. «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля», «Очерки по истории материализма», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и др.



населения в человеческом обществе определяется его экономической структурой. Очень ошибаются те социологи и экономисты, делает вывод Плеханов, которые видят в росте населения коренную причину общественного развития.

Таким образом, в его работах правильно показано, что рост народонаселения не является главной силой общественного развития, что этой силой является способ производства материальных благ.

Говоря о производстве материальных благ как основной причине общественно-исторического прогресса, Плеханов выделяет производство как таковое, производительные силы и экономический базис общества как совокупность определенных производственных отношений.

Он разъясняет, что основная идея Маркса в характеристике производственных отношений сводится к тому, что производственные отношения определяют все другие отношения, существующие между людьми в их общественной жизни, и что производственные отношения в свою очередь определяются состоянием производительных сил.

В толковании Плехановым производственных отношений необходимо отметить правильную мысль, что производственные отношения выступают как форма развития производительных сил.

Однако производственные отношения Плеханов необходимо рассматривал в двух видах — как технические и как имущественные. Первые — это то, что Плеханов называл «непосредственными отношениями производителей в процессе производства», т. е. организация труда, технические отношения. Эти отношения производства не носят, по его мнению, классового характера, ибо это техническая, а не классовая организация труда, выступающая как размещение людей в техническом процессе. Они могут быть одинаковыми в различных экономических формациях. Другой тип производственных отношений — имущественные отношения. В классовом обществе они носят классовый характер.

Такое разграничение производственных отношений верно потому, что производственные отношения — это общественная форма развития материальных производительных сил, в этих отношениях слиты воедино и техническая и экономическая стороны. Так, в классовом обществе

организация труда в то же время является классовой организацией труда рабочих, противостоящих капиталистам в производстве.

Процесс производства ведет к дальнейшему развитию производительных сил, вследствие которого возникает несоответствие между производительными силами и производственными отношениями. Эти отношения, говорил Плеханов, излагая теорию Маркса, отстают от развития производительных сил, мешают их росту, вступают с ними в противоречие. Отсюда возникает возможность и необходимость радикального общественного переворота. Плеханов поясняет это положение Маркса так: если сначала производственные отношения содействуют дальнейшему росту производительных сил, то затем они начинают задерживать его. Содержание перерастает форму, вступает с ней в противоречие. Возникает конфликт между производительными силами и производственными отношениями, обуславливающий обострение классовой борьбы в обществе. Начинается революционная эпоха общественного развития, которая рано или поздно заканчивается разрушением устаревших производственных отношений.

Так Плеханов пропагандировал идеи основоположников научного социализма Маркса и Энгельса о том, что социальные перевороты являются результатом неизбежного конфликта, несоответствия между новыми производительными силами и старыми производственными отношениями, показывая, что в развитии производительных сил и в борьбе прогрессивных классов против отсталых «общественных условий производства» лежит «великий принцип изменения *видов общественной организации*»<sup>1</sup>.

Факт возникновения нового способа производства и гибели старого Плеханов иллюстрировал, в частности, на примере распада первобытно-общинной собственности. Общественная общинная собственность возникла потому, что она была необходима для первобытного общества. Но когда производительные силы развились настолько, что открылась возможность получения прибавочного продукта, общественная собственность стала служить препятствием дальнейшему развитию производительных сил и уступила место частной собственности.

<sup>1</sup> Г. В. Плеханов, Соч., т. II, стр. 44.



Характеризуя в своих трудах различные ступени человеческой истории, Плеханов, однако, специально не останавливался на понятии общественно-экономической формации, с помощью которого Марксом и Энгельсом были разгромлены буржуазно-догматические теории об обществе «вообще».

В пропаганде марксизма Плеханов отвел важное место марксистским положениям о роли классовой борьбы в обществе, об ее отражении в идеологии. Классовой борьбе посвящено немало страниц в произведениях марксистского периода его деятельности<sup>1</sup>. Он показывал, что классы отсутствуют только в первобытном обществе, что разделение общества на классы вызывается его экономическим развитием. Плеханов анализировал связь классов с производственными отношениями, с борьбой за распределение общественного богатства, вскрывал противоположность классовых интересов господствующего и угнетенного классов. При рассмотрении противоположности интересов пролетариата и буржуазии широкое обоснование получил основной тезис марксизма, что противоречия и классовая борьба между ними не могут быть ни устранены, ни притуплены до тех пор, пока не будет устранен капиталистический способ производства.

Однако, пропагандируя марксистскую теорию классовой борьбы, Плеханов сближал марксистское учение о классовой борьбе с домарксистскими буржуазными учениями.

Энгельс в предисловии к «Манифесту Коммунистической партии» приводит положение, что со времен разложения первобытно-общинного строя вся история была историей классовой борьбы и что теперь эта борьба достигла той ступени, на которой эксплуатируемый и угнетаемый класс (пролетариат) не может освободиться от эксплуатирующего его класса, не освободив в то же время всего общества навсегда от эксплуатации, угнетения и классовой борьбы, и указывает, что «эта основная мысль принадлежит всецело и исключительно Марксу». Плеханов же вместо того, чтобы пропагандировать это важное

<sup>1</sup> См., например, «Социализм и политическая борьба» (1883), «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895), «Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии»» (1900), статьи против Струве (1901—1902).

положение марксизма, считал, что Энгельс здесь не совсем прав. По его мнению, некоторые очень важные элементы этой мысли встречаются в гораздо более ранней социально-политической литературе.

Поэтому он свое внимание сосредоточивал не на том, что отличает марксистскую теорию классов и классовой борьбы от учений Сен-Симона, Тьерри, Гизо, Минье и других домарксистских социологов, а на тех общих исходных положениях о наличии в обществе классов и борьбе между ними, которые были сформулированы еще до Маркса буржуазными учеными. Для Плеханова оказывалось несущественным, что Тьерри, Гизо, Минье, хотя и писали о роли классовой борьбы, были буржуазными историками и с буржуазных позиций оценивали классовую борьбу. Отличие марксистского учения о классовой борьбе от взглядов на нее этих идеологов буржуазии Плеханов видит только в том, что у Маркса и Энгельса «понятие о борьбе классов является составною частью стройной исторической теории, между тем как в исторической теории Гизо, Тьерри, Минье и других современных им идеологов буржуазии еще не сведены концы с концами»<sup>1</sup>. Стало быть, для Плеханова все отличие учения Маркса и Энгельса о классах и классовой борьбе от учений его предшественников состояло в том, что они «сумели» свести «концы с концами». Он не подчеркивал, что марксизм доводит признание борьбы классов до диктатуры пролетариата. Он не отметил того нового и решающего, что было внесено Марксом в учение о классах и классовой борьбе.

Плеханов останавливался также на вопросе о роли народных масс и особенно пролетариата в революционной классовой борьбе, отмечая, что движение народных масс к свободе и благосостоянию представляет собой более величественное зрелище, чем походы завоевателей, расписанные буржуазными историками.

Как развивалось и обосновывалось Плехановым марксистское учение о роли народных масс в истории и решался вопрос о роли пролетариата в освободительном движении, показано во второй главе. Здесь только следует напомнить, что Плеханов в борьбе с народниками отстаивал положение марксизма о том, что революция — это не заговор группы интеллигентов, а движение самих масс. Он

<sup>1</sup> Г. В. Плеханов, Соч., т. XI, стр. 303.



пропагандировал идею, что только революционное движение масс может привести как к победе над самодержавием, так и к торжеству социализма. Говоря о силе и мощи народного освободительного движения, Плеханов писал, что широкое освободительное движение в народе разрушит здание «абсолютизма, как землетрясение разрушает курятник».

В ранних работах Плеханова мы находим яркие страницы, посвященные революции, революционному насилию. Будучи революционером в марксистский период своей деятельности, он много писал о революционных периодах в развитии общества, о революции, предстоящей России.

В пропаганде марксистской теории революции главное внимание его было направлено на опровержение народнических утопических представлений о том, что свержение самодержавия повлечет за собой сразу же установление социализма. В противоположность народникам, смешивавшим буржуазно-демократическую и социалистическую революции, Плеханов разъяснял марксистский научный взгляд на задачи буржуазно-демократической и социалистической революций и показывал, что буржуазная и социалистическая революции имеют каждая свои особые задачи и движущие силы.

Как же смотрел Плеханов на буржуазную революцию? Как определял он ее цели и движущие силы? Он считал, что основной задачей буржуазной революции является демократизация общественного строя, установление политической свободы в стране. Ратуя за буржуазный демократизм в царской России, где царизм душил всякую свободную мысль, всякое вольное слово, Плеханов в своих ранних работах выступал как борец за политическую свободу. Но он не понимал особенности буржуазной революции в России как революции аграрной. Не понимал потому, что основывал свои взгляды только на общем представлении марксизма о буржуазных революциях, созданном на основе опыта буржуазных революций в Европе. Он не анализировал конкретно положение различных классов в России и противоречия между ними и считал, что борьба против самодержавия, за демократию объединяет пролетариат и буржуазию. Неверное представление о задачах, разрешить которые была призвана буржуазно-демократическая революция в России, породило и неверное представление о ее движущих силах. Поскольку

для Плеханова вся соль буржуазной революции в России заключалась в конституции и буржуазных свободах, он считал разрешение аграрного вопроса делом второстепенным. Он сбросил со счета такую крупную революционную силу, как крестьянство, исходя из того, что крестьянству нужна земля, а не конституция. Отсутствие в крестьянстве интереса к конституции служило для Плеханова основанием для обвинений крестьянства в «реакционности», «пассивности». Замечая противоположность интересов крестьянства и либеральной буржуазии, он еще в 80-х годах предвидел, что либералы выступают против аграрных требований крестьянства, но склонялся не к поддержке крестьянской аграрной революции, а к компромиссу с буржуазией ценой отказа от кардинальных аграрных преобразований. В работе «Социализм и политическая борьба» Плеханов выступил с призывом не пугать буржуазию «красным призраком» аграрного переворота, а ограничить свою программу «общими» демократическими требованиями.

Эти взгляды Плеханова являлись зародышем его будущих меньшевистских взглядов. В абсолютизации буржуазной демократии имелся зародыш того, по выражению Ленина, парламентского кретинизма Плеханова-меньшевика, который мешал ему влиться в действительную массовую борьбу народа за свое освобождение.

Если о буржуазной революции Плеханов говорил во многих своих работах, особенно в начале 900-х годов, то о пролетарской революции он писал очень скупно, как о чем-то далеком, приводя только общие, хотя и правильные формулы, что производительные силы буржуазного общества переросли современные ему производственные отношения и что это противоречие между производительными силами, с одной стороны, и производственными отношениями — с другой, является глубокой социальной основой революционного движения современного рабочего класса.

Плеханов считал, что в социалистической революции пролетариат является основной и единственной движущей силой, что у него нет и не может быть союзников. В работе «Социализм и политическая борьба» Плеханов ставил вопрос: «...возможно ли для пролетариата такое влияние на какой-нибудь другой класс населения и *нужно ли* оно для его торжества?» И отвечал так: «Достаточно



поставить этот вопрос, чтобы услышать решительное «нет» от всякого, понимающего современное положение рабочего класса. Пролетариату *невозможно* влиять на низшие классы так, как влияла когда-то на него буржуазия, по той простой причине, что нет таких классов, которые стояли бы ниже его; он представляет собою самую последнюю экономическую формацию современного общества. Да ему и *не нужно* добиваться такого влияния, потому что он, в то же время, есть *самый многочисленный* слой этого общества...»<sup>1</sup>.

Это — типичная для социал-демократов II Интернационала точка зрения, согласно которой крестьянство и все промежуточные слои совершенно не принимаются в расчет, а самая победа пролетариата считается возможной только тогда, когда пролетариат будет составлять большинство населения. Исходя из этой точки зрения, Плеханов считал, что социалистическая революция в России — дело очень отдаленного будущего.

Но при всем этом необходимо отметить, что в 80-х годах Плеханов-революционер вовсе не отстаивал ту догму II Интернационала, которая ставит между буржуазной и пролетарской революциями китайскую стену. Напротив, желая скорейшей победы русского пролетариата, он писал о возможности сблизить буржуазную и социалистическую революции в России, говоря, что современные условия «дают право надеяться, что социальное освобождение русского рабочего класса последует очень скоро за падением абсолютизма»<sup>2</sup>. Но эта ценная мысль лишь мелькнула у Плеханова, не оставив следа. Плеханов-меньшевик считал обязательным для России продолжительный буржуазно-конституционный период развития.

Характерно в этом смысле меньшевистское истолкование Плехановым в «Основных вопросах марксизма» предисловия Маркса к работе «К критике политической экономии», направленное против ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Серьезнейшие ошибки допускал Плеханов и в вопросе о государстве. В его статьях против народников недоста-

<sup>1</sup> Г. В. Плеханов, Соч., т. II, стр. 62.

<sup>2</sup> Там же, стр. 86.

точно выяснялось марксистское учение о сущности государства. Кроме того, в них сказались и пережитки народнических иллюзий о надклассовости государства.

О государстве как органе классового господства, продукте классового неравенства, Плеханов говорил, как о мало существенном признаке. Государство у него теряло свою классовую характеристику. В подтверждение приведем его полемику в 90-х годах с итальянским марксистом А. Лабриолой. Данное Лабриолой определение государства как организации господства одного общественного класса над другим или над другими, он назвал взглядом, едва ли выражающим «полную истину». Свою мысль Плеханов пояснял так: «В таких государствах, как Китай или древний Египет, где цивилизованная жизнь была невозможна без очень сложных и обширных работ по регулированию течения и разлива больших рек и по организации орошения, возникновение государства может быть в весьма значительной степени объяснено непосредственным влиянием нужд общественно-производительного процесса»<sup>1</sup>.

Таким образом, он выдвигал на первый план не значение классовых противоречий и антагонизмов для возникновения государства, а известную общность классов в борьбе с природой.

Несмотря на правильное положение, что государство в то же время является «организацией господства привилегированного меньшинства над более или менее поработанным большинством», он считал, что только учитывая «нужды» абстрактно взятого общественно-производительного процесса, можно дать правильную характеристику государства, избежать «неправильных и односторонних понятий об исторической роли государства».

Важнейшие отправные положения марксизма — о том, что специфической чертой государства является его классовый характер, что государство представляет собой концентрированное классовое насилие в его особой форме, выступая как особая сила господствующего класса для подавления угнетенных классов общества, Плеханов слабо пропагандировал даже в свои лучшие годы.

Впоследствии, в ходе своей политической и теоретической эволюции, он стал отстаивать буржуазную точку

<sup>1</sup> Г. В. Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 252.



зрения надклассовости государства, сотрудничества классов.

Что есть у Плеханова по вопросу о диктатуре пролетариата? В борьбе с народниками он противопоставил народнической идее диктатуры интеллигентов-заговорщиков идею диктатуры пролетариата. Борясь с ревизионистами, он защищал идею диктатуры пролетариата от Бернштейна, который заявлял, что якобы эта идея Маркса уже устарела и нет никакого смысла в том, чтобы «повторять фразу о диктатуре пролетариата». В предисловии ко второму изданию «Коммунистического манифеста» он, опровергая Бернштейна, писал, что парламентская и всякая иная легальная политическая деятельность социал-демократов не отменяет необходимости диктатуры пролетариата, а подготавливает ее.

Но сущность пролетарского государства сводилась Плехановым главным образом к законодательству. Поэтому он не рассматривал диктатуру пролетариата как господство пролетариата над буржуазией с оружием в руках, как орган ее насильственного подавления. Так, он писал: «... иное дело диктатура данного класса и иное дело насильственные действия, предпринимаемые этим классом в своем стремлении к диктатуре». Понятие диктатуры пролетариата лишалось, таким образом, всякого конкретного содержания. И не случайно Плеханов забыл о диктатуре пролетариата в своем проекте программы российской социал-демократической партии.

Он не дал также конкретного изложения учения Маркса и Энгельса об уничтожении буржуазного государства, уклонился от выяснения вопроса об отношении государства и революции.

Лишь в ранней работе Плеханова «Социализм и политическая борьба» более или менее внимательно рассматривается этот вопрос. Работа «Социализм и политическая борьба» показывает, что в то время Плеханов не стоял на оппортунистической, реформистской точке зрения, он не считал, что пролетариат может просто взять и использовать буржуазную государственную машину, завоевав большинство в парламенте. Он должен установить свою диктатуру. Диктатура пролетариата — первый акт социальной революции, признак ее. Задача диктатуры пролетариата — не только разрушение политического господства буржуазии, но и организация социально-полити-

ческой жизни. Но Плеханов не стоял в этом вопросе и на позициях последовательного революционного марксизма, который учит, что необходимо разбить, уничтожить буржуазную государственную машину. Его позиция была промежуточной, колеблющейся. Он говорил, что «пролетариат не ограничивает свою политическую программу захватом современной государственной машины». Но, по Плеханову, буржуазная государственность не разрушается, а перестраивается. «Рабочий класс, — писал Плеханов в статье «А. П. Щапов», — должен не разрушать так дорого стоившую ему государственную машину, а видоизменять и утилизировать ее для своих целей»<sup>1</sup>.

По Плеханову, буржуазное государство перестраивается пролетариатом, подобно тому, как делала это сама буржуазия, приспособляя феодальное государство к защите своих интересов. Перестройка же буржуазного государства, с его точки зрения, должна свестись к замене «представительной системы» «прямым народным законодательством». Таким образом, вся «перестройка» оказывается пустой фразой, и Плеханов, принимая всерьез бессодержательное лассальянское требование прямого народного законодательства, делает огромную уступку оппортунизму.

Защищая в полемике с реформистом Бернштейном необходимость революционного насилия, считая, что социал-демократия «не может принципиально отказываться от насильственного способа действий», он вместе с тем допускал уступку Бернштейну, говоря, что в словах Бернштейна о переходе современного общественного строя в высший «без конвульсивных потрясений» есть доля истины: «Социал-демократия действительно заинтересована в том, чтобы переход в высший общественный порядок совершился без потрясений».

Правильно считая, что легальные формы политической деятельности социал-демократии, особенно парламентская, создают духовные «условия возможности» диктатуры пролетариата, Плеханов все же преувеличивал роль мирных, парламентских средств борьбы.

И когда действительные условия пролетарской революции в России назрели, когда налицо была реальная, а не абстрактная возможность установления диктатуры

<sup>1</sup> Г. В. Плеханов, Соч., т. II, стр. 19.



пролетариата, Плеханов, оказавшись во вражеском стане, давал истолкования «условий возможности» пролетарской революции в духе догм II Интернационала. Он выступил с «предостережением» пролетариату о преждевременности захвата им власти. Так и в этих вопросах у Плеханова обнаруживаются отступления от марксистской теории и глубокий разрыв между теорией и практикой.

\* \* \*

Материалистическое объяснение возникновения политической и идеологической надстроек было поставлено Плехановым в числе важнейших вопросов исторического материализма. «Объяснить с нашей мат[ериалистической] точки зрения развитие *искусства, религии, философии* и проч[их] *идеологий* значит дать новое и сильное подтверждение матер[иализму] в его применении к истории. А это очень важно»<sup>1</sup>, — писал Плеханов.

Обращаясь к характеристике происхождения идеологий и истории их развития, Плеханов прежде всего разъяснял мысль основоположников марксизма о том, что на экономической основе необходимо возвышается, вырастая из нее, соответствующая ей политическая и идеологическая надстройка, прежде всего политический строй, затем право, философия и др., что идеологии выступают как отражение объективного бытия людей.

Подвергая критике идеалистическую точку зрения саморазвития идеологий, господствовавшую в исторической науке до Маркса и Энгельса, он отстаивал материалистический принцип связи между бытием и сознанием, базисом и надстройкой и определяющего влияния первого на второе.

Со всей определенностью Плеханов подчеркивал, что экономика всякого данного народа определяет собой его «жизне- и миропонимание». Общественное сознание есть отражение общественного бытия, в коем оно имеет свою основу. Надстройки, как это он показывал на примере правовых понятий, развиваются не сами собой, а под влиянием тех взаимных отношений, в которые становятся производители под влиянием экономической необходимости. Плеханов подверг критике упрощенный взгляд итальянского марксиста А. Лабриолы на процесс образования

<sup>1</sup> «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. III, стр. 90.

идеологий. Лабриола, исходя из того факта, что люди не всегда ясно понимают свое общественное положение и осознают свои экономические отношения, ссылаясь на невежество или на суеверие, как на историческую причину возникновения многих форм общежития и многих обычаев.

Плеханов показывает, что это истолкование не дает научной основы в понимании истории. Само невежество нуждается в свою очередь в объяснении. В истории, говорил Плеханов, неясность сознания, «промахи незрелой мысли», «невежество» — нередко знаменуют собой только одно: именно, что еще плохо развит предмет, который надо осознать. Таким образом, дело не в невежестве или незнании, а «в общественных причинах, его породивших и придавших ему тот, а не другой вид, тот, а не другой характер»<sup>1</sup>.

Пока не изменились общественные отношения, подчеркивал Плеханов в борьбе с идеализмом, общественное сознание тоже не изменяется. Люди привыкают к данным верованиям, данным понятиям, данным приемам мысли, данным способам удовлетворения эстетических потребностей. «Но если развитие производительных сил приводит к сколько-нибудь существенным переменам в экономической структуре общества, а вследствие этого и во взаимных отношениях общественных классов, то изменяется и психология этих классов, а с нею и «дух времени», и «характер народа»<sup>2</sup>. При этом борьба против устарелых производственных отношений заставляет людей стать в критическое отношение не только к старому общественному порядку, но также и к тем идеалам и взглядам, к тем чувствам и вообще к той «психике», которая выросла на почве старого порядка. Надстройки общества, стесняющие и задерживающие развитие производительных сил, должны устраняться.

В истории общественной жизни, как и в природе, нет ничего застывшего, вечного, неизменного. С изменением способа производства изменяются также идеи, политические учреждения и т. д., т. е. изменяется вся надстройка. Следовательно, политические учреждения, идеи, теории не являются вечными и неизменными, а, напротив,

<sup>1</sup> Г. В. Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 263.

<sup>2</sup> Там же, стр. 251.



представляют исторический продукт реальной деятельности людей.

Право, государственный строй, нравственность всякого данного народа непосредственно и прямо обуславливаются свойственными ему экономическими отношениями. Этими же отношениями «обуславливаются, — но уже *косвенно и посредственно*, — все создания мысли и воображения: искусство, наука и т. д.».

В произведениях «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и «Очерки по истории материализма» Плеханов говорит, что в развитии общества исходный пункт — это природная среда. Под влиянием географического фактора развиваются производительные силы, в свою очередь под воздействием производительных сил развивается экономика, затем политика, государственный строй, психика и различные идеологии.

Люди производят материальные блага, создают *экономику*, на почве которой вырастает их психология. Под психологией общества Плеханов понимает стихийное сознание людей, господствующие в данное время «привычки, нравы, взгляды, стремления и идеалы людей».

Он пишет: «...раз дана структура общества, не трудно понять, что ее характер отразится вообще на всей *психологии* людей, на всех их привычках, нравах, чувствах, взглядах, стремлениях и идеалах. Привычки, нравы, взгляды, стремления и идеалы необходимо должны приспособиться к образу жизни людей, к их *способу добытия себе пропитания...*»<sup>1</sup>.

Социальная психология, или «общественная психика», по Плеханову, выступает как связующее звено между социально-политическим строем и идеологией.

Эта мысль об особой области настроений и представлений людей, лежащей между социальным строем и идеологией, проводится во всех его последующих работах, особенно в таких, как «О материалистическом понимании истории», «Основные вопросы марксизма». Без общественной психологии «нельзя сделать ни шагу в истории литературы, искусства, философии и проч.»<sup>2</sup>, — писал он.

Каково же, по Плеханову, соотношение общественной психологии и идеологии?

Плеханов пытается установить различие между социальной психологией и идеологией. Психология является предпосылкой идеологии, как бы ее вторичным базисом, а идеология отражает в себе социальную психологию, является надстройкой над нею, выступает как продукт переработки общественной психики. Таким образом, получается, что идеология не связана непосредственно с социально-экономическими и общественными отношениями. Между ними стоит социальная психология.

Плеханов допускает ошибку, видя в идеологии — системе определенных идей класса, его мировоззрении — отражение лишь психологии человека, а не социально-экономических и общественных отношений в целом. Социальная психология — это не что иное, как психический склад людей. Он присущ всем членам общества, т. е. имеет не классовый, а национальный характер. В силу этого психология не может объяснить классовость идеологии.

В ранних работах Плеханова по философии марксизма содержатся важные положения о влиянии классовой борьбы на развитие идеологий.

Там правильно отмечено, что в обществах, разделенных на классы, мировоззрение людей не имеет единообразного характера; оно различно у различных классов и видоизменяется сообразно их положению, их нуждам, их стремлениям и ходу их взаимной борьбы. Только приняв во внимание борьбу классов и изучив ее многообразные перипетии, можно сколько-нибудь удовлетворительно объяснить «духовную» историю общества: «ход его идей» отражает собою историю классов и их борьбы друг с другом. При этом в обществах, разделенных на классы, в каждое данное время имеется господствующая идеология, являющаяся идеологией господствующего класса.

В его работах высказывалось также мнение о недостаточности объяснения развития философии только развитием науки, минуя развитие общественных отношений. На развитие идеологий, в том числе и философии, оказывают влияние фактические общественные отношения и классовая борьба. Но их влияние косвенно, опосредовано.

Однако марксистское положение, что в классовом обществе идеологии — философия, искусство, религия — являются идейным орудием классов и служат их инте-

<sup>1</sup> Г. В. Плеханов, Соч., т. VII, стр. 196.

<sup>2</sup> Г. В. Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 251.



ресам, не являлось для Плеханова боевым партийным методом оценки и изучения общественных явлений. И в марксистский период своей деятельности он нередко оперировал абстрактным понятием идеологии «данной эпохи» и т. п. Поэтому многочисленные попытки Плеханова показать классовую обусловленность идеологий не составляли последовательно проводимой точки зрения. Абстрактность, отвлеченность от конкретных этапов общественной жизни и борьбы классов нашли свое выражение в том, что он отходил на позиции буржуазного объективизма, надпартийности.

Марксистское учение о соотношении базиса и идеологических надстроек говорит и об обратном влиянии надстроек на базис общества, вытекающем из факта относительной самостоятельности надстройки, идеологий.

Плеханов в целом ряде своих работ писал об относительной самостоятельности надстройки. С момента разделения материального и духовного труда, разделения труда на умственный и физический, что свойственно лишь классовому обществу, идеологии как бы обособляются в относительно самостоятельные области. Определяясь экономическим базисом общества, идеологии в то же время зависят и от полученного в наследство мыслительного материала предыдущей эпохи.

Относительно самостоятельное значение идеологий в общественной жизни ведет к тому, что нередко утрачивается сознание связи и зависимости идеологических отношений от экономических. Процесс возникновения идеологической надстройки совершается незаметным для людей образом. Поэтому они рассматривают эту надстройку как нечто естественное. Отдельному индивиду, к которому переходят по традиции или благодаря воспитанию определенные взгляды, может казаться, что они составляют побудительные мотивы и исходный пункт его поступков, — поясняет Плеханов.

Он резко критиковал идеалистов Тэна, Барто, Брюнетьера и др., придававших идеологии абсолютное значение. Утверждению идеалиста Тэна, что «состояние умов и нравов» создает не только различные виды искусства, литературы, философии, но даже и... промышленность данного народа, Плеханов противопоставлял марксистское положение, что всякая надстройка определяется базисом и имеет лишь относительную самостоятельность.

Выступил марксист Плеханов и против тех, кто защищал противоположные взгляды, превращая идеологии в придаток стихийного экономического развития.

Вслед за Энгельсом в своих произведениях «О роли личности в истории», «О материалистическом понимании истории», «Нечто об истории» и особенно «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Плеханов отвергал взгляды буржуазных социологов, в которых марксизму приписывалась мысль, будто экономические условия всецело, полностью (а не в конечном счете) определяют духовную жизнь, будто любую теорию можно непосредственно вывести из данного экономического состояния. В частности, он выступал против распространявшегося Михайловским и другими народниками-субъективистами вульгарного истолкования исторического материализма Маркса как «экономического материализма»<sup>1</sup>.

Враги марксизма пытались представить исторический материализм как «однобокое», «одностороннее» учение, якобы выпячивающее экономическую сторону общественной жизни, отрицающее роль идей и т. п. Михайловский обвинял марксистов в том, что марксисты, говоря, что общественное бытие определяет общественное сознание, якобы поощряют тем самым личную наживу, стяжательство, жадность и тому подобные пороки. Плеханов разоблачал лживость народнических утверждений, будто марксисты игнорируют идеальные цели и побуждения людей, будто Маркс не придавал ровно никакого значения ни нравственности, ни философским и эстетическим понятиям людей, везде и всюду видя одно экономическое начало.

Плеханов резко заклеил попытки Михайловского извратить теорию исторического материализма.

Народники, — писал он, — представляют марксизм «каким-то гнусным пасквилом на человеческий род. У Г. И. Успенского... есть старуха-чиновница, которая даже в предсмертном бреде упорно повторяет гнусное правило всей своей жизни: «в карман норови, в карман!».

<sup>1</sup> Надо отметить, что Плеханов считал выражение «экономический материализм» неправильным (см. т. VIII, стр. 225). Он указывал, что Маркс никогда не называл себя экономическим материалистом. Но нередко вслед за Михайловским Плеханов все же называл исторический материализм экономическим материализмом.



Русская интеллигенция наивно думает, будто Маркс приписывает это гнусное правило всему человечеству; будто он утверждает, что чем бы ни занимались сыны человеческие, они всегда, исключительно и сознательно, «норовили в карман»<sup>1</sup>.

Так в работах Плеханова разоблачалось неверное обыквательское представление о марксизме, согласно которому марксисты якобы не придают никакого значения идеалам. В смысле «идеалов», говорил Плеханов, теория Маркса есть самая «идеалистическая» теория, которая когда-либо существовала в истории человеческой мысли.

Марксистское учение о роли идей в развитии общества он защищал и в борьбе с ревизионистами. Он воевал против Бернштейна, который считал, что Энгельс в своих известных письмах к Блоху и Штаркенбургу якобы отошел от точки зрения, изложенной Марксом в предисловии к работе «К критике политической экономии», и ограничил роль экономического фактора в пользу других, не экономических, факторов. Плеханов показывал, что точка зрения Энгельса ничем не отличалась от взглядов Маркса, что марксизм вовсе не претерпел «эволюции», как утверждал Бернштейн. Дело состояло в том, что Маркс в предисловии хотел оттенить, что общественные отношения не объясняются ни своей собственной природой, ни так называемым общим развитием человеческого духа. Поэтому он подчеркивал преимущественно экономическую основу развития названных отношений. Энгельс же в своих письмах разъяснял вопрос человеку, который думал, что в теории марксизма нет места для действия политического, правового и духовного «факторов», и поэтому показывал, что, выросши на экономической основе, эти «факторы» со своей стороны воздействуют на нее. Таким образом, делал вывод Плеханов, исторические взгляды Маркса, изложенные в предисловии к работе «К критике политической экономии», оставляют ровно столько же места для действия «причин второй, третьей и т. д. степеней», как и учение, содержащееся в «Анти-Дюринге» и в письмах Энгельса 90-х годов.

Показывая узость и односторонность понятий, приписываемых Марксу буржуазными и мелкобуржуазными

<sup>1</sup> Г. В. Плеханов, Соч., т. VII, стр. 159.

социологами, в том числе и русскими субъективистами, он не раз пояснял, что Маркс никогда не рассматривал экономического движения данной страны вне связи его с теми общественными силами, которые, вырастая на его почве, сами влияют на его дальнейшее направление.

У Маркса, говорил Плеханов, остов экономики покрывается живой плотью социально-политических форм, человеческих идей, чувств, стремлений и идеалов. Маркс не отрицал важнейшего значения политики и идеологии в жизни людей, он только выяснял их генезис, находя его в экономических отношениях общества.

В работах Плеханова мы находим характеристику политической и идеологической надстроек. Он писал, что политика как особая область общественных отношений обусловлена экономикой как базисом. Экономический строй общества отражается в сознании людей в виде политических взглядов, которым соответствуют определенные политические учреждения. Вместе с тем политика, следуя в общем и целом за движением экономики, наделена своим собственным движением, в силу чего она в свою очередь влияет на ход экономического развития.

Движение человеческой истории, говорит Плеханов, «никогда не совершается в плоскости одной экономики... нужно каждый раз подняться в «надстройку»... Экономика почти никогда не торжествует сама собою, о ней никогда нельзя сказать: *farà da se* (делается сама собой. — В. Ф.). Нет, никогда не *da se* (сама собой. — В. Ф.), а всегда *только через посредство надстройки*, всегда *только* через посредство известных политических учреждений»<sup>1</sup>.

Политические учреждения влияют на хозяйственную жизнь. Они или содействуют развитию производительных сил, или препятствуют ему. Данная политическая система затем и создается, чтобы содействовать дальнейшему развитию производительных сил. Если данная политическая система превращается в препятствие для их развития, то она устраняется. Это была достаточно яркая популяризация взглядов Маркса и Энгельса.

Однако уже в этот период давал себя знать главный порок Плеханова в области исторического материализма — абстрактность и схематизм. Это сказалось в том, что он

<sup>1</sup> Г. В. Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 213.



почти все свое внимание сосредоточивал на доказательстве положения, что бытие определяет сознание, что экономика определяет политику. Налицо была недооценка активной роли политики.

Наряду с освещением роли политической надстройки Плеханов показывал и роль идей в развитии общества.

Плеханов-марксист был убежден, что борьба прогрессивных сил общества станет успешной только тогда, когда она будет освещаться передовой и самой революционной теорией — теорией Маркса и Энгельса. «Ведь без революционной теории, — писал Плеханов, — нет революционного движения, в истинном смысле этого слова»<sup>1</sup>. Он призывал вносить передовые идеи в массы, видя в этом величайший фактор прогресса.

Всякий класс, показывал он, стремящийся к своему освобождению, всякая политическая партия, добивающаяся господства, революционны лишь постольку, поскольку они представляют собой наиболее прогрессивные общественные течения, а следовательно, являются носителями наиболее передовых идей своего времени. Плеханов говорил, что «революционная, по своему внутреннему содержанию, идея есть своего рода динамит, которого не заменят никакие взрывчатые вещества в мире»<sup>2</sup>. И, напротив, ошибочные общественные идеалы, старые идеи и теории тормозят, задерживают развитие общества, его продвижение вперед. Правильен только тот идеал, который соответствует экономической действительности. В статье «Внутреннее обозрение» Плеханов писал: «Нет, господа, идея — великая вещь! Но для того, чтобы она могла сыграть свою великую роль, она должна быть разумной идеей, она должна уметь схватить и выразить действительный ход истории. При этом условии идея является непреодолимою силою. В противном же случае она служит источником слабости, разочарования, умственного и нравственного падения...»<sup>3</sup>.

Вместе с тем Плехановым были высмеяны идеалистические утверждения народников о независимости идей и теорий от экономической жизни общества. Идей «посрамлялись» всякий раз, говорил он, когда они не совпадали с реальными экономическими интересами того обществен-

<sup>1</sup> Г. В. Плеханов, Соч., т. II, стр. 71.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Г. В. Плеханов, Соч., т. III, стр. 264.

ного слоя, который является в данное время носителем исторического прогресса.

Правильные положения, выдвинутые Плехановым при характеристике обратного влияния общественного сознания и роли идей, как и вообще надстройки, на базис, впоследствии были им забыты. Меньшевик Плеханов явно переоценивал роль объективного фактора — экономики, защищая пресловутую теорию производительных сил, ограничивался в анализе революции объективными условиями и принижал роль субъективного фактора — роль партии, политической борьбы, передовой теории.

Он скатился к ревизионистскому пониманию политической борьбы, выхолащиванию ее классовой сути, сведению ее к парламентской борьбе. В 1917 г. Плеханов выступил против завоевания власти пролетариатом ввиду того, что Россия якобы экономически не созрела для социалистической революции, отрицая, подобно другим лидерам меньшевизма, то, что завоевание пролетариатом власти являлось решающим условием для развития производительных сил и ликвидации отсталости России в экономическом отношении.

В свое время меньшевистствующие идеалисты неоднократно заявляли, что в области исторического материализма Плеханов не допускал ошибок, говорили об ортодоксальности Плеханова. Но именно в области исторического материализма у него имеется особенно много отступлений и серьезных ошибок. При этом отступления Плеханова от исторического материализма нельзя отрывать от его ошибок, идущих по линии диалектического материализма и политики. Здесь прямая связь.

Так, например, в его ранних работах говорится о значении диалектики для материалистического понимания истории, о том, что в применении к социальным явлениям диалектический метод произвел целую революцию. «Можно без преувеличения сказать, что мы обязаны ему пониманием истории человечества, как *закономерного процесса*»<sup>1</sup>.

Однако высказывания Плеханова о том, что материалистическое понимание истории предполагает применение диалектического метода, не получили практического применения. Отсутствие конкретно-исторического подхода являлось одной из важнейших причин догматического

<sup>1</sup> Г. В. Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 129.



изложения Плехановым ряда вопросов исторического материализма.

В трактовке исторического материализма как науки уже в ранних его работах проявляется абстрактно-академический подход. Он недостаточно подчеркивал, что исторический материализм — боевая, классовая, партийная теория. Он иногда некритически пользовался абстрактными определениями и ненаучными понятиями буржуазной социологии.

Плеханов не сумел в достаточной мере показать значение революционного переворота, произведенного марксизмом в социологии в силу того, что обращал основное внимание на историческую подготовку идейного материала, на который опирались Маркс и Энгельс.

Ленин, глубоко вскрывший в своих работах значение открытия Маркса, превратившего социологию в науку, отмечал, что применение материалистической диалектики к истории, к политике дало возможность в кажущемся лабиринте и хаосе исторических явлений открыть закономерности общественного развития. «Хаос и произвол, — писал Ленин, — царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий...»<sup>1</sup>.

Открытие материалистического понимания истории, указывал Ленин, устранило два главных недостатка прежних исторических теорий. Во-первых, домарксистские социологи в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства; во-вторых, прежние теории не охватывали как раз действия масс населения, тогда как исторический материализм впервые дал возможность с естественно-исторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий.

Марксизм-ленинизм вскрыл материальную основу развития общества, показал историю как историю трудя-

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 5.

щихся масс, являющихся творцами всех материальных и духовных благ, научно доказал, что развитие классовой борьбы ведет к пролетарской революции и диктатуре пролетариата.

Ленин показал, что исторический материализм неразрывно связан с теорией научного социализма и является глубоко партийной наукой единственно революционного класса — пролетариата. Коренное отличие исторического материализма от буржуазного объективизма Ленин видел в теории классовой борьбы, в том, что марксист в отличие от объективиста прежде всего выясняет, какой класс определяет развитие исторического процесса, и прямо и открыто становится на точку зрения передового общественного класса — пролетариата.

Ошибки и отступления Плеханова от философии марксизма не снимают общей высокой оценки, данной Лениным Г. В. Плеханову как одному из лучших пропагандистов и популяризаторов марксизма в России и на Западе. Осуждая меньшевистскую позицию Плеханова в период империалистической войны, Ленин вместе с тем отмечал: «Его личные заслуги громадны в прошлом. За 20 лет, 1883—1903, он дал массу превосходных сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, народников»<sup>1</sup>.

Позднее в известной работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Ленин вновь подчеркнул, что до 1903 г. Плеханов был «марксистом и революционером».

О выдающейся роли Плеханова-марксиста писал в 1918 г. соратник и ученик В. И. Ленина М. И. Калинин: «В период беспробудной реакции, во времена, когда рядовому рабочему с большим трудом и страшными усилиями приходилось приобретать даже первоначальную грамотность, в рабочих кругах уже вращались подпольные издания, принадлежавшие перу Георгия Валентиновича».

Эти произведения открывали новый мир рабочему классу, они звали его на борьбу за лучшее будущее, они учили в ясной, простой, для всех доступной форме основам марксизма, несокрушимою верою в конечную победу идеалов рабочего класса, они воспитали уверенность, что все препятствия и трудности по пути к этим идеалам будут легко сметены организованным пролетариатом.

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 333.



Чем является Н. Г. Чернышевский для русских разночинцев шестидесятих годов, тем же служил и Георгий Валентинович для рабочего класса нашего поколения.

Он не был ученым, намечающим новые методы мысли, он шел по проторенным путям... Но он был лучший истолкователь и популяризатор идейного марксизма...

Пусть земля будет легка его праху, он много послужил рабочему классу, он вложил глубокий неискоренимый оптимизм в сознательные массы рабочего класса нашего поколения»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> «Известия Петроградского городского общественного управления» № 40, 12 июня (30 мая) 1918 г.